

УДК 821.161.1 (Русская литература)

## РОМАН Е.Н. ТОЛСТОЙ «ЛИДА»: ВНЕ МОРАЛИ

© 2024 М. А. Перепелкин

*Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук,  
директор МБУК «Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького»,  
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,  
научный сотрудник отдела сопровождения научных проектов  
E-mail: mperpelkin@mail.ru*

Самарский национальный исследовательский университет  
им. академика С.П. Королёва  
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского  
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 26.02.2024

В статье анализируется роман Е.Н. Толстой «Лида», увидевший свет в 1898 г. в двух номерах журнала «Вестник Европы». Исследуя систему героев романа, автор статьи последовательно обращает внимание на семейство Синякиных, горничную Феню, отца и сына Березенских, сестру князя Ожогину и, наконец, на баронессу Мюльбах и её дочь Лиду – княгиню Лидию Березенскую. Анализ взглядов и ценностных установок всех перечисленных героев позволяет сделать вывод о том, что автор романа выстраивает на его страницах целостную систему пересмотра морально-этических норм и правил, служащих гарантией нравственного баланса и социального равновесия. Идя на сделку с моралью, каждый из героев полагает, что его сделка представляет собой исключительно частный случай, не представляющий угрозы для морали как таковой; Лида же оказалась героиней, живущей вне морали и даже не подозревающей о её существовании. В результате корректировавшаяся и отодвигавшаяся на задний план в течение некоторого времени мораль исчезает вовсе, а на авансцену житейских перипетий выходит циник, не имеющий представления о том, что такое «мораль» и зачем она нужна, – именно таким человеком и становится главная героиня романа, Лида. Осуществляющий два с лишним десятилетия спустя после написания «Лиды» ревизию доставшихся ему в наследство взглядов и ценностей, А.Н. Толстой делает вывод о нежизнеспособности самой морали, отчуждение от которой стало предметом художественной рефлексии его сестры – Е.Н. Толстой.

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-95-80-89

EDN: FCVNLG

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда  
№ 24-28-00699, <https://rscf.ru/project/24-28-00699/>;  
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

*Введение.* В письме к А.А. Бострому от 6-10 марта 1898 г. из Сызрани на хутор Сосновка А.Л. Толстая писала следующее: «Коля <Шишков – М. П.> мне сказал, что в январской и февральской книжках «Вестника Европы» за 1898 год появилась повесть (название <он> не знает), подписанная гр<афиня> Е. В. Т. и будто бы это произведение Лили. Это он знает от Батюшковых, которые видятся с Верой Львовной <Толстой – М. П.>. Повесть будто бы очень талантлива <...> но сюжет очень рискованный, который заставляет сомневаться, что её писала молодая девушка. Особенно поразительна психология старика-

мужа, женатого на молодой девушке, влюблённой в пасынка. Сюжет трактуется так смело, что трудно предположить, что писала девушка, но будто бы Батюшковы утверждают, что Лиля и есть автор этой повести» [7].

Лиля, она же – Елизавета Николаевна Толстая, родилась в июне 1874 г. и была первым ребёнком из пяти детей Н.А. и А.Л. Толстых; через восемь с половиной лет после неё появится на свет и её знаменитый брат – А.Н. Толстой. После ухода матери, Александры Толстой, из семьи, от мужа, Е.Н. Толстая воспитывалась у бабушки, А.В. Толстой, в Москве, училась в пансионе

З.Д. Перепёлкиной. В 1898 г. она вышла замуж за военнослужащего по фамилии Рахманинов, от которого имела сына Андрея. Вторым её мужем после развода с Рахманиновым стал также военнослужащий Конасевич. По воспоминаниям С.И. Дымшиц, «Елизавета Николаевна была высокая, красивая женщина, любила литературу и сама писала стихи. Она жила с мужем в Новом Петергофе и чувствовала себя очень сиротливо в армейско-офицерской среде» [3, с. 59-60], а в предреволюционные годы Е.Н. Толстая «писала стихи» [6, с. 43] и посещала собрания «Общества свободной эстетики», проходившие в Петербурге [2, с. 197]. В это же время с сестрой не раз встречался А.Н. Толстой, которому она помогала в его делах [см.: 9, с. 210]. В годы Первой мировой войны Е.Н. Толстая работала сестрой милосердия в лазарете в Царском Селе [4]. В первые послереволюционные годы бежала из столицы и скиталась (её имя встречается в дневниковых записях И.С. Ильина, относящихся к 1919 г.: «15 августа. Омск. Познакомился с графиней Елизаветой Николаевной Толстой, бывшей фрейлиной великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Чудесная девушка. Она всё время была до последней минуты при Елизавете Фёдоровне, не оставляла её, была с ней арестована, потом во время наступления чехов бежала, долго скиталась, массу перенесла, пока наконец отряд Казагранди не взял ту деревню, в которой она скрывалась. Елизавета Николаевна ходит в платьях сестры и носит наперстный крест Елизаветы Фёдоровны, которая передала его ей в минуту ареста и просила сохранить, если удастся» [8, с. 389]), долгое время считалась умершей от тифа на юге России, но впоследствии выяснилось, что ей удалось эмигрировать и добраться до Белграда, где она и окончила свои дни уже в годы Второй мировой войны – находилась в концлагере, была освобождена советскими войсками и умерла от истощения [6, с. 269]. Сын Е.Н. Толстой Андрей Рахманинов жил за границей, в Лондоне, в 1960-е гг. приезжал в СССР.

*История вопроса.* Роман Е.Н. Толстой «Лида», опубликованный под псевдонимом гр<афиня> Е. В. Т. на страницах «Вестника Европы», остался практически незамеченным современной ему критикой, что неудивительно: конец XIX столетия был, как известно, временем больших финалов и ярких дебютов, среди которых нетрудно было затеряться, как это и случилось с Лилей-Лизой Толстой. Но принадлежащий её перу роман представляется нам не просто

любопытным, но и важным как для понимания проблемного поля литературы рубежа веков, так и для обнаружения некоторых скрытых кодов творчества младшего брата автора «Лиды» – А.Н. Толстого, как мы полагаем, не просто хорошо знакомого с романом сестры, но и зашифровавшего некоторые отсылки к нему уже в своём творчестве.

*Методы исследования.* Для обнаружения смыслов романа «Лида» нами использовались структурный и историко-функциональный подходы: анализ художественной структуры и её составляющих осмысляются с точки зрения задач, которая ставила перед собой и решала в своём романе Е.Н. Толстая.

*Результаты исследования.* Итак, прежде всего – о фабуле романа Е.Н. Толстой. Фабула этого романа такова. В селе Березенки, большая часть которого принадлежит князьям Березенским, а меньшая – роду Дорсаковых и последней его представительнице баронессе Мюльбах, живёт сама баронесса, обосновавшаяся в своём полуразвалившемся деревянном домике «лет пятнадцать тому назад». В Березенки баронесса переехала из Петербурга, где её муж застрелил, застав у неё, её любовника и покончил с собой. Баронесса больна, из Березенок она никуда не выезжает и живёт с дочерью Лидой, воспитанием которой в течение долгого времени занималась воспитательница-швейцарка, совсем недавно скончавшаяся. Управляет Березенками Павел Матвеевич Синякин, женатый на немке Амалии Ивановне, у них есть сын Иван Павлович, служащий доктором в Петербурге. «Роман» начинается с разговора отца и сына Синякиных о предполагаемой женитьбе последнего на Лидии Мюльбах, с которой он давно знаком и полагает, что его предложение будет с охотой принято ею. Но быть женой доктора Синякина юная баронесса совсем не собирается, рассказывая ему приснившийся ей сон о том, что она стала хозяйкой в доме князей Березенских, и тем самым заставляя Синякина промолчать о его предложении ей. Вскоре в Березенки приезжает старый князь, имеющий за плечами два брака, от одного из которых у него есть уже взрослый сын Дмитрий. Живя в Березенках, князь знакомится с баронессой и её дочерью и делает предложение последней, которое она принимает.

Далее начинается вторая часть романа, из которой читатель узнаёт, что, путешествуя по Европе, старый князь и его юная супруга встречаются с молодым Березенским и живут в одной гостинице с ним. Молодой Березенский

оказывает знаки внимания супруге отца, которая в конечном счёте вступает с ним в близость. Между тем супруг Лидии Александровны (возможно, услышавший, как его жена в соседней комнате изменяла ему с его сыном) тяжело заболевает, и супруги Березенские уезжают в Петербург, расставшись с князем Дмитрием. В Петербурге Лида понимает, что она беременна, и, чтобы скрыть свою измену от мужа, обращается к своему знакомому, доктору Синякину, тайно принимающему у неё роды и уговаривающему её отдать ему на воспитание родившегося ребёнка. Родители Синякина, Павел Матвеевич и Амалия Ивановна, к которым сын привозит девочку, уверены, что это ребёнок, которого родила Лидия Александровна от их сына. Посетившая их в Березенках Лидия, приехавшая хоронить умершую в Ницце баронессу, гостила у них и нянчила ребёнка, что ещё больше убедило их в этом. Тем временем старому князю с каждым днём становится всё хуже, а приехавший в Петербург его сын узнаёт от Лиды о её тайных родах и вновь сближается с ней, а когда его отец умирает, они оба приезжают в Березенки, где Лидия Александровна рождает сына от князя Дмитрия. Старики Синякины убеждены, что и это тоже – ребёнок, отцом которого является их сын, Иван Павлович, и ждут, что теперь он женится наконец на Лиде. В финале «романа» молодой Синякин открывает родителям, что отцом обоих детей является князь Дмитрий, «этот циник», который «развратил её, проклятый», в результате чего старый управляющий и его жена молча сидят друг перед другом, «как громом поражённые».

Скажем теперь несколько слов о героях романа Е.Н. Толстой и начнём с семейства Синякиных, состоящего из Павла Матвеевича, его жены Амалии Ивановны и их сына, Ивана Павловича. Первый из них, Павел Матвеевич, – «сын мелкопоместного, разорившегося помещика» [10, с. 149], мечтавший, окончив курс в университете, «поселиться в деревне и взять хозяйство из слабых и неумелых рук отца» [10, с. 149]. Однако, ни его мечтам, ни мечтам его родителя, видевшего в сыне будущего чиновника, не суждено было осуществиться: «имение было продано с молотка почти в тот же день, как Павел Матвеевич провалился на последнем экзамене в петербургском университете» [10, с. 149]. Потерпев такую неудачу, Синякин «обратился к протекции бывшего тогда главным

управляющим над имениями князя Березенского Ивана Карловича Шмидта» [10, с. 149], женился на его дочери и вначале уехал вместе с ней управлять имением князя в Калужскую губернию, а затем был назначен управляющим Березенками. Человек он был «смирный, тихий, бесхарактерный с женой, но настойчивый и справедливый с крестьянами. Его все уважали и любили. Как все русские люди, он был неаккуратен, неряшлив, но эти недостатки вполне пополнялись немецкой аккуратностью Амалии Ивановны, державшей в руках мужа» [10, с. 149]. Бесхарактерность Павла Матвеевича с женой не явилась, впрочем, препятствием для его своеобразного романтического увлечения: «когда баронесса Мюльбах поселилась в своём имении, Павел Матвеевич взял привычку каждый вечер переходить овраг и просиживать час или два у кресла баронессы, где она, исхудалая, с чахоточным румянцем на впалых щеках, проводила свою грустную жизнь» [10, с. 150]. Интерес Синякина к баронессе имеет в своей основе, так сказать, сословный характер: будучи приказчиком, или «управителем», как называют его крестьяне, он всё же помнит о том, что является дворянином и, хоть и бывшим, но помещиком, которому по статусу больше пристало общение с баронессой, чем с дочерью немца-управляющего, какой является его жена, – это и заставляет его «сиднем сидеть» у баронессы, управлять её хозяйством и т. д. С его точки зрения, этот его несколько повышенный интерес к незамужней женщине, вдове, являющийся, кстати сказать, предметом насмешек соседей, не может рассматриваться как обстоятельство сомнительного морального свойства, и если и кажется кому-то предосудительным, то это едва ли так на самом деле, ведь он, Павел Матвеевич, лишь «ей в делах помогает, советами её не оставляет» [10, с. 148], а на это он точно имеет право. Умеет убедить себя в этом (или по меньшей мере, сделать вид, что она себя в этом убедила) и «практичная жена» [10, с. 149] Синякина Амалия Ивановна, которая «держит в руках мужа» [10, с. 149], позволяя ему такие безобидные, с её точки зрения, вещи, как «помощь в делах» со стороны мужа баронессе Мюльбах. Сквозь пальцы смотрит на отцовские ухаживания за больной баронессой и молодой Синякин, в разговоре с отцом замечающий, что

последний «всегда относился к ней так сердечно» [10, с. 146].

Что касается молодого Синякина, во многом он подобен своему отцу – во многом, но не во всём. Из него, так же, как и из отца, «не вышел чиновник» [10, с. 149], но не вышел по другой причине: «он сам выбрал себе специальность и стал врачом, а затем и доктором медицины. Его взял к себе ассистентом один из светил Петербурга, и к радости и гордости своих родителей, Ванюша их становился известен и зарабатывал уже немало денег» [10, с. 149], ежегодно приезжая в Березенки, где он вырос и, давным-давно, познакомившись с Лидочкой, «читал ей сказки, рассказывал о бабочках и о букашках; потом, когда она подросла, он приносил ей книжки, спорил с нею, больше шутя» [10, с. 150]. Но есть в молодом Синякине и черты, делающие его похожим на мать, и главная из этих черт – это умение принять и объяснить себе то, что с трудом поддаётся объяснению: так же, как Амалия Ивановна принимает ухаживания мужа за баронессой, Иван Павлович Синякин вначале романа покорно принимает фантазии Лидочки о том, что она станет хозяйкой дома князей Березенских, ставящие точку в его намерениях сделать девушке предложение, а затем, уже во второй его части, так же смиренно соглашается помочь ей скрыть от мужа рождение ребёнка, увозит этого ребёнка на воспитание к своим родителям, объявляет им о том, что молодой князь и Лидия Александровна забирают ребёнка к себе и т.д. Единственный эпизод, когда молодой Синякин позволяет себе протестовать, но протестовать наедине с собой, «дрожащими, бледными губами», – это эпизод в финале романа, где, положив локти на стол и уронив голову на руки, он шепчет слова жалости к Лидии и ненависти к Березенскому-сыну: «Что за нелепость! <...> они думали, вообразили, что я, я... Боже мой, что я... что она любит меня... она... несчастная, милая... Это он, этот циник, развратил её, проклятый...» [11, с. 680]. Принимая всё без споров и почти без возражений, Иван Павлович Синякин и здесь старается оправдать Лидочку, переложив всю вину за разврат, в котором она приняла активное участие, на её любовника, молодого князя, то есть с самим фактом разврата, с его точки зрения, можно согласиться, принять его, важно лишь найти способ оправдать «жертву» разврата и уличить виновного. Принимают факт «разврата» и старики Синякины – Павел Матвеевич и Амалия Ивановна, до недавнего времени убеждённые в

тайной взаимной любви их сына и Лидии Александровны и этой тайной любовью оправдывающие её измены мужу и рождение детей, отцом которых, по их мнению, является их Ванюша.

В таком случае, что же заставляет стариков Синякиных «молча сидеть друг перед другом», «как громом поражённые»? Видимо, причиной этого выступает совсем не то, что в жизни есть место аморальным, с точки зрения нормального человека, поступкам и восприятию этих поступков как таких, с которыми можно мириться, – причиной становится то, что «сценарий разврата», реализовавшийся рядом с ними и даже с их косвенным участием, отличается от того, каким он им представлялся: давно (и может быть, даже радостно) принявшие тайное сожительство сына с чужой женой, они оказываются не готовы принять тайного же сожительства этой женщины с молодым Березенским. Единственный (но очень важный) вопрос, который не приходит им в голову: а может ли разврат быть большим или меньшим, допустимым либо недопустимым, или – вне зависимости от названия он при любых обстоятельствах остаётся одним и тем же развратом?

Скажем здесь несколько слов ещё об одном персонаже, занимающем в сюжете романа место и позицию, в чём-то сходные с позицией Синякиных, – речь идёт о Фене, горничной Лидии Александровны. Феня – эпизодический персонаж, но её поведению и реакции точно копируют поведение и реакции других, более значимых, с сюжетной точки зрения, персонажей, и, в частности, – семейства Синякиных. Феня долгое время жила в городе у портнихи, «где научилась многому ещё, кроме шитья нарядов» [10, с. 150]. Чему именно она научилась в городе, из первой части романа остаётся не вполне ясным, но во второй части это показывается вполне определённо: Феня одной из первых понимает, что Лидия Александровна ждёт ребёнка, и она же предлагает ей обратиться за помощью к молодому Синякину («Знаете, что мы сделаем? Я схожу к Ивану Павловичу; ведь он акушер, – он как-нибудь всё и устроит <...> вы занеможете, он будет ездить лечить вас. Я да он всё и устроим» [11, с. 649]) и спрятать родившегося ребёнка. По её словам, Феня для своей хозяйки «в огонь и в воду пойдёт» [11, с. 649], она хорошо знает, чем именно она Лидии Александровне обязана, и это знание заменяет ей представление о морали, о дурном и хорошем, и

т. д. Видимо, этому научила её и жизнь в городе у портнихи, и все другие уроки, полученные ею в Березенках и позже.

Переходим к двум другим персонажам – отцу и сыну Березенским, моральные принципы которых сходятся и разнятся в одно и то же время. Первый из них, старый князь Николай Фёдорович Березенский, «родился в тот год, как поляк бунтовал» [10, с. 155], то есть, видимо в 1830-31 гг. Если действие романа происходит в 1890-е гг., когда он вышел, стало быть, на момент начала действия князю было чуть меньше семидесяти лет, но, «несмотря на свои немолодые годы, он был ещё очень свеж, бодр и изящен во всей своей фигуре <...>, вёл жизнь весьма гигиеничную, позволяя себе всякие удовольствия в меру, и не торопясь, не задумываясь над жизнью, подошёл к старости» [10, с. 163-164].

Князь уже был дважды женат до встречи с Лидией: «первый раз он женился ещё очень молодым человеком, по желанию отца и матери своих, на очень богатой девушке, которая была ему симпатична физически, но которую он совсем не знал. Она оказалась капризной, злою и, родив сына и измучив мужа своей ревностью и капризами, умерла после нескольких лет супружества» [10, с. 165], во второй раз князь вступил в брак десять лет спустя, женившись на женщине, «которую он долго и безнадежно любил» [10, с. 165] и которая умерла год спустя в родах, «унеся и ребёнка с собой» [10, с. 165]. В результате всего этого «из князя Березенского мало-помалу образовался тот вежливый, спокойный человек, которого свет знал за последние тридцать лет» [10, с. 165-166].

У князя, вне всякого сомнения, есть и своя система жизненных ценностей, и – соответствующая ей система моральных норм и запретов. «Князь служил, т. е. числился где-то, заседал в каких-то комитетах; служба давала ему чины и почти никакого дела. Он ездил в свет, читал то, что надо читать, чтобы быть au courant того, о чём говорят в свете; за ним не знали ни странностей, ни пороков, ни особых добродетелей. Он был безукоризненный светский человек, джентльмен в полном смысле слова» [10, с. 166]. Решившись сделать предложение Лидии, он трезво взвешивает все за и против, находя при этом аргументы, которые могли бы убедить её в выгоды

положительного решения: «“Но, – думал он, – ведь я старик. Какого счастья могу ожидать я? Будет ли она любить меня? Или даже не то, что любить любовью, но даже захочет ли быть моею, когда поймёт обязанности жены и увидит меня каким я есть, не приодетым и прикрашенным стариком? Но, – сейчас же успокоил он себя, – ведь прикраситься можно и во всяком *deshabille*... мне надо будет зорко смотреть за собой и – *ne pas me laisser aller*. Она ведь ничего не знает, не понимает, да у неё и сравнения не будет: я буду, конечно, держать её вдалеке от всех, от всего... Затем она умна, она поймёт, что я дал ей всё – она будет благодарна... Но я? я? В мои годы жениться? Ведь это сумасшествие. *Un vieux ramoli*, скажут обо мне все – и сестра, и... сын – да, сын первый скажет... Ну, да Бог с ним: какое мне дело, что он скажет. Я хочу, хочу быть счастливым – и хотя бы год, хоть месяц один, но буду безгранично, страшно счастлив – я испытаю ещё раз в жизни полное счастье...”» [10, с. 175]. «Полное счастье» хотя бы ещё раз в жизни – и есть, в конечном счёте, смысл и оправдание всех взглядов и моральных норм, исповедуемых князем Березенским, и решительным образом поколебать эти взгляды и нормы не способно ничто в жизни, и даже – очевидные угрозы этому «полному счастью». Именно такой угрозой является сцена между Лидией и молодым князем, свидетелем которой, скорее всего, становится Березенский-отец (наверняка ни героиня, ни читатели об этом так и не узнают: «Ручка двери зашевелилась. Лида вскочила; в мгновение ока отперла дверь и повисла на шее человека, для которого забыла всё. В эту минуту точно что-то хрустнуло в соседней комнате. Лида встрепенулась. – Слышишь? – спросила она. – Ничего не слышу и слышать не хочу, – сказал он и запер дверь на ключ» [11, с. 639]), – сцена, травмирующая старого князя («У него удар, – сказал он тихо» [11, с. 641]), но посчитавшего лучшим для «полного счастья» выходом промолчать о своих подозрениях или даже наблюдениях.

В основе мировоззрения князя Березенского лежит убеждение в том, что мир пёстр и многообразен, и ни изменить его, ни исправить в целом или в частностях – невозможно, а пытаться сделать это – бесполезное и пустое занятие. Но к миру можно приспособиться, стать «безукоризненным светским человеком» и

«джентльменом в полном смысле слова», и даже – испытать, если получится, «полное счастье», которое есть, в том числе, награда за безукоризненность и спокойствие. В соответствии с этим князем понимается и мораль, которая состоит в том, чтобы «хотя бы год, хоть месяц один» быть «безгранично, страшно счастливым» чего бы это ему ни стоило.

Сын князя Березенского, молодой князь Дмитрий, с одной стороны, разделяет взгляды отца, но с другой, он гораздо более прямолинеен и циничен. Он знает, как к нему относится его отец, который «никак не мог себя принудить» любить его уже в силу того, что «он слишком напоминал ему свою мать, нелюбимую им жену» [10, с. 165]. Если Березенский-отец приспособляется к миру, ожидая от него счастья для себя, то Березенский-сын приспособляет мир к своим ожиданиям и потребностям, не останавливаясь при этом не перед кем и не перед чем. Именно поэтому, «несмотря на все увещания отца, он никогда не соглашался поступить на службу и больше жил в Париже, иногда в Риме, много путешествовал во всех частях света и очень редко даже переписывался с отцом» [10, с. 166]. По его мнению, он сам устанавливает все правила и нормы, включая моральные, решает, что может и не может себе позволить, что и когда ему хотеть и как поступить в той или иной ситуации. По этой причине его ничто не останавливает ни тогда, когда он вступает в близкие отношения с супругой отца, ни тогда, когда оставляет её и, встретившись снова спустя несколько месяцев, возобновляет связь между ними. Он живёт с ощущением полной безнаказанности, цинично манипулирует людьми, не стесняется в выборе средств достижения своих целей, но таков, по его мнению, и весь мир вокруг, только притворяющийся честным и порядочным, а на самом деле – аморальный и погрязший в пороках, что видно, например, из такого его разговора с тёткой, сестрой старого князя: «Скажите! – продолжал всё ужасаться князь Дмитрий. – Скажите, ma tante, а какого мнения об этой *histoire ancienne* ваша приятельница, Мария Владимировна? <...> Мария Владимировна была закадычная приятельница и кузина генеральши; она, дожив, уважаемая всеми, до старости, имела детей не от одного мужа» [11, с. 671].

Любопытное исключение в этом ряду свободно интерпретирующих моральные нормы персонажей представляет сестра старого князя Елена Фёдоровна Ожогина. Рано овдовевшая, она

не имела детей и «застыла в петербургском свете, как памятник прежних, отживших времён»: «жила одна», «иногда обедала у брата, любя его тонкую кухню», «по летам всегда жила на его даче в Царском, где он никогда не жил» [10, с. 164]. Будучи «памятником прежних, отживших времён», она, на первый взгляд, сохраняет прежние представления о морали – представления как будто здоровые и трезвые, но на деле – такие же «давно отжившие», как и она сама. «Вы осквернили этот дом!» – в сердцах бросает она племяннику после кончины его отца, а своего брата, но в то же время, как мы видели из процитированного выше, не просто допускает, а считает вполне приемлемым то обстоятельство, что её приятельница и кузина «имела детей не от одного мужа». «Посмотрите кругом, тётушка», – спокойно реагирует на её обвинения её племянник, – «то, что вы называете нравственностью, почти не существует. Даже с вашей точки зрения, предположить, что безнравственно жить вне брака, скажите, сколько в вашем свете делается таких безнравственных вещей?» [11, с. 673]. Другими словами, мораль, исповедуемая тётушкой-генеральшей, в свою очередь, не больше, чем такой же «памятник прежних, отживших времён», как и она сама, – памятник ветхий и давно никому и ни о чём не напоминающий.

Наконец, два последних героя, занимающих определённую позицию в центральном – морально-этическом – конфликте романа, – это баронесса Мюльбах и её дочь Лида, и она же – княгиня Лидия Александровна Березенская.

Баронесса Мюльбах, «последняя из рода Дорсаковых» [10, с. 147], «родилась, воспитывалась и замуж вышла в Петербурге» [10, с. 148], откуда и приехала в Березенки «убитая горем» [10, с. 148] («Говорили, что она виновата в смерти мужа, покончившего с собой – говорили одни, убитого на дуэли – говорили другие» [10, с. 148]). В Березинках она чужая, и, как аттестовал её старший Синякин, хоть и «милая, а ничего не понимает» [10, с. 146] – и не понимает не только в хозяйстве («Запутаны дела их, что и говорить!» [10, с. 146]), но и во взаимоотношениях с людьми, в своих отношениях с дочерью, соседями и т. д. Соседи держат её под подозрением и недолюбливают («Попадья по секрету передала школьной учительнице, что баронесса наложила на себя эпитимью ни с кем не водить знакомства во всю жизнь свою, с тех пор как её полюбивник убил её мужа. А жена станového, делая свой ежегодный визит супруге управляющего, Амалии

Ивановне Синякиной, всячески старалась выпытать у неё, как умер муж баронессы? Правда ли, что он застал её со своим товарищем и лучшим другом, и застрелил и его, и себя самого?» [10, с. 148]), она отвечает им тем же («...она и не хотела ни с кем знакомиться, считая всех кругом ниже себя и не ожидая удовольствия от общества жены станового или акцизного чиновника» [10, с. 160]), а дочь, воспитываемая бонной-швейцаркой, с ней почти не общается.

«Зарыться где-нибудь, пропасть для всех» [10, с. 157] – таков в целом жизненный принцип баронессы после случившегося с ней в Петербурге и заставившего её перебраться в Березенки происшествия, и с этим принципом она и живёт в своём имени, «худея и кашляя всё больше» [10, с. 160] и заменив жизнь чтением романов. Осознаёт ли баронесса, что происшествие, поставившее точку на её жизни в столице, является следствием нарушения ею морально-этических норм, раскаивается ли она в этом? Об этом читателю прямо ничего не сообщается, но из отдельных косвенных эпизодов и реплик он вправе сделать вывод, что ни о каком раскаянии речи нет, – единственное, что угнетает баронессу, это то, что случившееся нарушило привычную ей петербургскую жизнь, состоявшую из «нарядов и выездов». Они, наряды и выезды, – и есть её мораль и этика, и ничего кроме их потери в результате несчастного столкновения обстоятельств её больше не тревожит и не беспокоит.

Ничего не тревожит и не беспокоит её и в том, что её дочь станет женой человека, больше чем в три раза старше её по возрасту (“Глупый старикашка!” – подумала с улыбкой мать Лиды, без малейшей горечи в этом скорее ласкательном эпитете... “Veut bien m’accepter pour mari! Ещё бы не захотела! Конечно, стар он; но, Боже, он стоит двадцати, сотни молодых. Вот и Синякин, докторишка, молод, и я с ужасом видела, что Лида ему нравится”... Баронесса лгала себе: она замечала это без всякого ужаса, и вероятно нашла бы, что партия с Синякиным, *vu les circonstances*, подходяща, и даже очень; но теперь, когда князь посватался за Лиду, ей казалось, что она никогда не допустила бы такой *mesalliance*» [10, с. 177-178]). Торговать дочерью, извлекая свои дивиденды из этой сделки, кажется ей чем-то, что находится в порядке вещей и не

противоречит никаким принципам и морально-нравственным законам и нормам.

Но, пожалуй, самым любопытным персонажем в интересующем нас плане трансформации системы морали и нравственности в романе является дочь баронессы Лида, Лидия Александровна. «Хорошая, милая девушка», по определению молодого Синякина, казавшаяся ему чистой и чуть-чуть наивной, но готовой откликнуться на обращённое к ней с добрыми намерениями предложение, на проверку оказывается не совсем такой, какой она ему представлялась, и уж точно – не наивной («Улыбка сбежала с побледневших губ молодого человека; он отвернулся и встал. – И вы вышли бы за князя, если бы он посватался за вас? – спросил он дрогнувшим голосом, не глядя на девушку. – Она засмеялась и тоже встала. – А вы что же думаете? Вы думаете, я бы сказала: прекрасный принц, иди своей дорогой; я люблю пастушка – он по ночам играет мне на свирели... Да у меня и пастуха-то нет... И вы думаете, что я не уцеплюсь руками за такое счастье? – Счастье? – переспросил он. – Конечно, счастье! Как! Быть там хозяйкой, быть богатой, быть княгиней! Разве это не было бы счастьем?» [10, с. 151-152]).

«Хорошая, милая девушка» Лида знает себе цену, так как «все, и мать, и Феня, и старый Синякин, все называли её красавицей; да и зеркало говорило ей то же, и она ждала, уверенная, что хоть какое-нибудь, но счастье всё же придёт к ней» [10, с. 162]. С ранних лет зная молодого Синякина, она «смотрела на него как на старшего товарища детства, как на самого преданного ей человека; но смотрела на него немного свысока, как на стоящего ступенью ниже её по общественному положению» [10, с. 161]. Как и голова матери, баронессы Мюльбах, голова Лидии точно так же была «набита романами, унесёнными со стола матери», и в ней «носились мечты о прелестном, богатом, статном юноше, который, как увидит её, падёт к её ногам, поражённый её красотой» [10, с. 161]. Осуществились ли эти мечты? И да, и нет, – но, взвешивая все за и против, Лида склоняется к тому, что аргументов «за» всё-таки больше, даже если её будущий муж совсем не похож на того статного юношу, о котором она грезила («Но не всё ли равно, – прибавила она мысленно, – будь ему сто лет, всё же я выйду за него. За другого я не могу выйти, потому что другого нет; и

проживи я сто лет, другого такого не найду, такого, который дал бы мне то, что даёт этот» [10, с. 176]).

При всей её наивности Лида довольно цинична, и этот её цинизм становится всё более и более неприкрытым и явным от одного эпизода к другому – от согласия стать женой старого князя до регулярных измен ему с его сыном, и от тайных родов и расставания с ребёнком до новой связи с молодым князем Березенским и новой беременности от него и родов. Совесть и раскаяние не знакомы ей в принципе, а то, что может хоть как-то напоминать их, при ближайшем рассмотрении является не больше, чем «репликами» из тех романов, которые Лида читала в подростковом возрасте в доме матери, – «репликами» театральными и достаточно стереотипными и малоубедительными, если судить хотя бы по реакциям тех, кто находится рядом с ней («Как, как это случилось? – шептала ей неотвязная мысль. – И самое ужасное, самое ужасное, что я не прогону его, что я люблю его! Люблю, люблю!» [11, с. 635]; «Если я умру, тем лучше, – сказала она в ответ на увещания князя Дмитрия, – ребёнок умрёт, и это тоже тем лучше! – И она плакала. Князь смотрел на неё и на её слёзы, как смотрят сильные мужчины на слёзы слабых, милых им женщин. Её терзания делали её в его глазах лишь женственнее, привлекательнее» [11, с. 674]).

*Выводы.* Лида и есть продукт всех тех трансформаций морально-этической системы, свой вклад в которую в той или иной мере внесли все от её матери, баронессы Мюльбах, до отца и

сына Березенских, семейства Синякиных, Фени и т. д. Идя на сделку с моралью, каждый из них полагал, что их сделка представляет собой частный случай, не представляющий угрозы для морали как таковой; Лида же оказалась героиней, живущей вне морали как таковой и даже не подозревающей о её существовании и смысле. Именно таков, в конечном счёте, по нашему мнению, итог всех размышлений автора романа «Лида» Е.Н. Толстой: в течение некоторого времени мораль корректировалась и отодвигалась на задний план, игнорировалась и объявлялась лишней и необязательной. Но вот мораль исчезла, и на авансцену житейских перипетий вышел новый человек, циник, не имеющий представления о том, что это такое, имя этого человека и вынесено в название этого романа.

Пройдёт два с лишним десятилетия после выхода «Лиды», и младший брат автора этого романа – А.Н. Толстой – выведет на страницах романа «Сёстры» младших современников и современниц главной героини произведения своей сестры, Катю и Дашу Булавиных, сделав вывод о нежизнеспособности самой морали, отчуждение от которой стало предметом художественной рефлексии Е.Н. Толстой. Прогнившая и заскорузлая, мораль Березенских-Смоковниковых, с его точки зрения, достаточно скомпрометировала себя и должна быть отменена, а на её место придёт другая, найденная после того, как будут пройдены все испытания и останутся позади хождения по мукам.

1. Артемьева, Е. В. Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы» (1880-е гг.). Диссертация на соискание учёной степени к.и.н. – Нижний Новгород, 2009. – 210 с.
2. Белый, А. Между двух революций. – М.: Художественная литература, 1990. – 670 с.
3. Воспоминания об А. Н. Толстом. – М.: Советский писатель, 1982. – 464 с.
4. Крылов-Толстикевич, А. Н. Придворный календарь на 1915 год. Комментарии [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2015/03/06/1204> (дата обращения 08.01.2024).
5. Неведомский, М. Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от Чехова до дней наших. – Петроград, 1919. – 410 с.
6. Оклянский, Ю. М. Шумное захоlustье. Из жизни двух писателей. – Куйбышев, 1982. – 272 с.
7. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. № 6311/79.
8. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. – М.: Книжница: Русский путь, 2016. – 478 с.
9. Толстая, Е. Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 534 с.
10. Толстая, Е. Н. (Гр. Е. В. Т.). Лида. Роман в двух частях. Часть первая // Вестник Европы. – 1898. – Том I. – Январь. – С. 145-194.
11. Толстая, Е. Н. (Гр. Е. В. Т.). Лида. Роман в двух частях. Часть вторая // Вестник Европы. – 1898. – Том II. – Февраль. – С. 629-680.
12. Толстой, И. Химеры и трагедия. Пять эссе об Алексее Толстом. – СПб.: Издательство РХГА, 2021. – 250 с.
13. Чуковский, К. От Чехова до наших дней. – СПб. – М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1908. – 268 с.



## **E.N. TOLSTOY'S NOVEL «LIDA»: BEYOND MORALITY**

© 2024 M.A. Perepelkin

*Mikhail A. Perepelkin, Doctor of Philology,*

*Director of the Samara Literary and Memorial Museum M. Gorky,*

*Professor of the Department of Russian and Foreign Literature,*

*Researcher at the Scientific Projects Support Department*

*E-mail: [mperepelkin@mail.ru](mailto:mperepelkin@mail.ru)*

*Samara National Research University*

*Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky*

*Samara, Russia*

The article analyzes the novel «Lida» by E. N. Tolstoy, which was published in 1898 in two issues of the journal «Bulletin of Europe». Exploring the system of heroes in the novel, the author of the article consistently draws attention to the Sinyakin family, the maid Fenya, the father and son Berezensky, the sister of Prince Ozhogina and, finally, to Baroness Mühlbach and her daughter Lida – Princess Lydia Berezenskaya. An analysis of the views and value systems of all the listed characters allows us to conclude that the author of the novel builds on its pages a holistic system for revising moral and ethical norms and rules that serve as a guarantee of moral balance and social equilibrium. When making a deal with morality, each of the heroes believes that his deal is an exclusively special case that does not pose a threat to morality as such; Lida turned out to be a heroine who lives outside of morality and is not even aware of its existence. As a result, morality, which had been corrected and relegated to the background for some time, disappears completely, and a cynic who has no idea what «morality» is and why it is needed comes to the forefront of everyday life's ups and downs – this is exactly the kind of person the main character of the novel becomes, Lida. Carrying out a revision of the views and values he inherited, A. N. Tolstoy, carrying out a revision of the views and values he inherited, will conclude that morality itself is unviable, alienation from which became the subject of artistic reflection of his sister, E. N. Tolstoy.

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-95-80-89

EDN: FCVNLG

The study was supported by the Russian Science Foundation grant

No. 24-28-00699, <https://rscf.ru/project/24-28-00699/>;

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

1. Artem'eva, E. V. Obshchestvenno-politicheskaia programma zhurnala «Vestnik Evropy» (1880-e gg.). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n. (Socio-political program of the magazine «Bulletin of Europe» (1880s). Dissertation for the academic degree of Candidate of Historical Sciences) – Nizhnii Novgorod, 2009. – 210 s.
2. Belyi, A. Mezhdv dvukh revoliutsii (Between two revolutions). – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1990. – 670 s.
3. Vospominaniia ob A.N. Tolstom (Memories of A. N. Tolstoy). – M.: Sovetskii pisatel', 1982. – 464 s.
4. Krylov-Tolstikovich, A. N. Pridvornyi kalendar' na 1915 god. Kommentarii (Court calendar for 1915. Comments). [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://proza.ru/2015/03/06/1204> (data obrashcheniia 08.01.2024).
5. Nevedomskii, M. Zachinateli i prodolzhateli. Pominki, kharakteristiki, ocherki po russkoi literature ot Chekhova do dnei nashikh (Originators and successors. Funerals, characteristics, essays on Russian literature from Chekhov to our days). – Petrograd, 1919. – 410 s.
6. Oklianskii, Iu. M. Shumnoe zakhlost'e. Iz zhizni dvukh pisatelei (Noisy outback. From the life of two writers). – Kuibyshev, 1982. – 272 s.
7. Otdel rukopisei Instituta mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN (Department of Manuscripts of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences). № 6311/79.
8. Skitaniia russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914-1920 (The Wanderings of a Russian Officer: The Diary of Joseph Ilyin. 1914-1920). – M.: Knizhitsa: Russkii put', 2016. – 478 s.
9. Tolstaia, E. D. Kliuchi schast'ia. Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg (Keys of Happiness. Alexey Tolstoy and literary Petersburg). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 534 s.
10. Tolstaia, E. N. (Gr. E. V. T.). Lida. Roman v dvukh chastiakh. Chast' pervaa (Lida. A novel in two parts. Part one) // Vestnik Evropy. – 1898. – Tom I. – Ianvar'. – S. 145-194.
11. Tolstaia, E. N. (Gr. E. V. T.). Lida. Roman v dvukh chastiakh. Chast' vtoraa (Lida. A novel in two parts. Part two) // Vestnik Evropy. – 1898. – Tom II. – Fevral'. – S. 629-680.

12. Tolstoy, I. *Khimery i tragediia. Piat' esse ob Aleksee Tolstom* (Chimeras and tragedy. Five essays about Alexei Tolstoy). – SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2021. – 250 s.
13. Chukovskii, K. *Ot Chekhova do nashikh dnei* (From Chekhov to the present day). – SPb. – M.: Izdanie T-va M. O. Vol'f, 1908. – 268 s.